

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

ОЧЕРКЪ ЕЯ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ.

Покойный Государь Императоръ Александръ Александровичъ, вѣрный цѣнитель Екатерины Великой и послѣдователь ея государственной и правительственной дѣятельности, изволилъ однажды спросить меня, правда ли, что преподававшій ему нѣкогда Русскую Исторію С. М. Соловьевъ переносилъ свою приверженность съ Екатерины на императрицу Елисавету Петровну. Я въ отвѣтъ позволилъ себѣ сказать, что, какъ человѣкъ Русскій, Соловьевъ не могъ относиться къ этой Государынѣ иначе какъ съ благодарнымъ сочувствіемъ, которое передалось и мнѣ, какъ его ученику. Россія любила ее и проливала по ней слезы. Въ арміи, по свидѣтельству Болотова, были увѣрены, что кончина ея (на 52 году возраста) послѣдовала не безъ участія Нѣмцевъ. Не получивъ книжнаго образованія до того, что своему статсъ-секретарю Волкову выразила недоумѣніе, островъ ли Англія, она покровительствовала Ломоносову, основала Московскій Университетъ, Академію Художествъ, оживила торговлю уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ, не допустила Евреевъ до маркитанства („отъ враговъ Христова имени не желаю интересной прибыли“), отмѣнила смертную казнь, вела безъ ассигнацій побѣдоносную войну противъ геніальнаго полководца, два раза брала Берлинъ, печатала книги въ Кенигсбергѣ (Кролевицѣ Прусскомъ), гдѣ учредила православный монастырь и проч. и проч. Зналъ я стариковъ, говорившихъ, что ихъ отцы называли Елисавету Петровну *мудрою*, тогда какъ Екатерину *мудреною*.

Послѣ страшнаго погрома Русской жизни, произведеннаго Петромъ Великимъ, послѣ ужасовъ Бироновщины, Елисаветинское двадцатилѣтнее царствованіе, протекшее безъ всякихъ оглядокъ на Западную Европу, было временемъ успокоенія и подготовленія къ царствованію Екатерины Великой. П. Б.

Русская императрица, дочь Петра Великаго и Екатерины I, родилась 18 Декабря 1709 года † 24 Декабря 1761 г. О годах дѣтства и юности ея извѣстно почти тоже, что и о старшей сестрѣ ея. Французскій дипломатъ въ Петербургѣ Ла-Ви, бывший въ сношеніяхъ съ Де-Лонуа, жена котораго учила обѣихъ сестеръ Французскому языку, доносилъ (25 Іюля 1719 г.) своему правительству со словъ этой Француженки, что царь намѣренъ отдать со временемъ свою меньшую дочь за Лудовика XV; „она хороша собою (прибавляетъ Ла-Ви), стройна и могла бы считаться совершенною красавицею, если бы только цвѣтъ волосъ ея былъ не такъ ярокъ (*tant soit peu ardente*), что, впрочемъ, съ лѣтами можетъ измѣниться; притомъ она умна, очень великодушна и сострадательна. Ея величество говорила не разъ, что только и просить о стараніи къ усовершенствованію ея во Французскомъ языкѣ, и что есть важныя причины, чтобы она изучила исключительно этотъ языкъ, а никакой другой“.

Берхгольцъ, камер-юнкеръ изъ свиты Голштинскаго герцога, увидѣлъ въ первый разъ Елисавету въ Петербургскомъ лѣтнемъ саду въ 1721 году. „Вторая принцесса (записалъ онъ) бѣлокура и очень нѣжна; лице у нея, какъ и у старшей, чрезвычайно доброе и пріятное. Она годами двумя моложе и меньше ростомъ, но гораздо живѣе и полнѣе старшей“.

28 Января 1722 г. Елисавета была объявлена совершеннолѣтнею. Изъ біографіи Анны Петровны знаемъ, что герцогъ Голштинскій и его свита почти до развязки не знали, которую изъ своихъ дочерей намѣренъ былъ Петръ В. отдать за герцога. Въ 1724 г. предположенный бракъ Лудовика XV съ Испанскою инфантою не состоялся, почему при Русскомъ дворѣ родилась снова надежда выдать которую-нибудь изъ цесаревенъ за Французскаго короля. Тогдашній Русскій посолъ въ Парижѣ князь Куракинъ обязанъ былъ хлопотать о томъ; но не успѣли еще прислать въ Парижъ, по просьбѣ Куракина, портретовъ Анны и Елисаветы, какъ былъ уже рѣшенъ бракъ Лудовика XV съ Марією Лещинскою. Въ 1724 г., когда стало извѣстно, что цесаревна Анна будетъ женою герцога Голштинскаго, то Голштинцы были очень рады, что не Елисавета будетъ за ихъ государемъ, „по многимъ причинамъ“, прибавляетъ таинственно Берхгольцъ. Екатерина I намѣревалась-было выдать Елисавету за двоюроднаго брата Голштинскаго герцога, Любскаго епископа Карла-Августа. Онъ прибылъ въ Петербургъ 11 Октября 1726 г., но 7 Мая слѣдующаго года умеръ. Сохранилось извѣстіе, что Елисавета всегда любила вспоминать о своемъ нареченномъ женихѣ. Принцесса Цербтская, мать Екатерины II, была сестрою его, и когда пріѣхала въ Москву, въ 1744 году, то Елисавета приняла ее

сначала съ расprostертыми объятіями и тотчасъ подарила ей тотъ самый перстень, которымъ въ невѣстахъ хотѣла обмѣняться съ братомъ принцессы, говоря, что этимъ она какъ будто вторично роднится съ нею.

Незадолго передъ кончиною Екатерины I шли между придворными толки о престолонаслѣдіи. Многимъ изъ участниковъ въ розыскѣ царевича Алексѣя не хотѣлось восшествія на престолъ его сына, и Девіеръ, между прочимъ, говорилъ: „Царевна Анна Петровна и умилна собою, и пріемна, и умна; да и государыня Елисавета Петровна изрядная, только сердитѣе. Если бы въ моей волѣ было, я желалъ бы, чтобъ царевну Анну Петровну Государыня изволила сдѣлать наслѣдницею“.

Испанскій посоль Дюкъ-де-Лиріа, прибывшій въ Петербургъ въ концѣ 1727 года, оставилъ нѣкоторыя извѣстія о положеніи Елисаветы при дворѣ Петра II. Такъ 10 Января 1728 г. онъ писалъ: „Болѣе всѣхъ довѣренности царь оказываетъ принцессѣ Елисаветѣ, своей тѣткѣ, которая отличной красоты и ведетъ себя очень благоразумно... Русскіе боятся большой власти, которую эта принцесса имѣетъ надъ царемъ: умъ, способности и искусство ея пугаютъ ихъ, поѣтому имъ хочется удалить ее отъ двора, выдавъ въ замужество“... Для приведенія этого въ исполненіе думали-было принять предложеніе извѣстнаго Морица Саксонскаго—вступить въ бракъ съ Елисаветою. Въ Августъ 1728 г. при дворѣ замѣтили однако совершенное охлажденіе царя къ своей теткѣ. Такая перемѣна была слѣдствіемъ наговоровъ Долгорукихъ, завидовавшихъ значенію Елисаветы и находившагося при ней въ особенной милости камергера Бутурлина. Въ 1729 году разрывъ былъ уже явный, и Бутурлина, для отдаленія отъ двора, отослали въ Украйну“.

Вотъ какъ Дюкъ-де-Лиріа изображалъ Елисавету въ описываемое время: „Она такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращенія ея много ума и пріятности, но замѣтно нѣкоторое честолюбіе“.

Ко времени царствованія Петра II или къ началу правленія Анны должно отнести преданія, сохранившіяся о Елисаветѣ въ Александровской Слободѣ. Здѣсь, по разсказамъ старожилонъ, она почти ежедневно слушала заутреню, обѣдню и вечерню въ монастырѣ: дома читала

церковныя книги или же проводила время на охотѣ и забавлялась волчьей травлею. На масляницѣ слободскія дѣвушки катались у дворца съ горь. Елисавета любила пѣніе; сама пѣла, заставляла дѣвушекъ пѣть Русскія пѣсни¹⁾ и награждала ихъ за то лакомствами...

Смерть Петра II и восшествіе на престолъ имп. Анны перемѣнили къ худшему положеніе Елисаветы. Духовное завѣщаніе Екатерины I давало въ извѣстныхъ случаяхъ право ея меньшей дочери на Русскій престолъ; но партія знатныхъ, стоявшая тогда во главѣ правленія, не обращая вниманія на это завѣщаніе, избрала императрицею Анну Иоанновну²⁾. Французскій дипломатъ Маньянъ оставилъ извѣстіе, что тогда Елисавета ничего не предпринимала для предъявленія своихъ правъ и проводила время въ деревнѣ въ различныхъ забавахъ. Притомъ же, если бы она и рѣшилась даже помогать тогда престолу, то едва-ли бы успѣла въ томъ: всѣмъ было извѣстно особенное въ ней расположеніе ко всякаго рода развлеченіямъ, и еще помнили живо ненавистное для Русскихъ владычество Голштинцевъ при Екатеринѣ I, которое могло возвратиться съ вступленіемъ на престолъ Елисаветы.

По принятіи престола Анною Иоанновною, Елисавета держалась въ отдаленіи отъ двора. Въ Маѣ 1730 г. Англійскій резидентъ Рондо писалъ, что цесаревна съ нѣкотораго времени больна. Другіе утверждали, что нездоровье это было такого свойства, что препятствовало являться при дворѣ въ парадномъ туалетѣ. Въ слѣдующемъ 1731 году отъ ея двора былъ удаленъ гвардеецъ Шубинъ, заслужившій ея особенное довѣріе. Его сослали въ Сибирь, откуда возвратили только съ воцареніемъ Елисаветы. По свидѣтельству современниковъ, императрица Анна съ первыхъ же годовъ своего вступленія на престолъ до конца жизни не любила Елисавету и смотрѣла на нее какъ на претендентку на престолъ. Въ 1731 г. императрица приказывала Миниху наблюдать за цесаревною, „понеже-де она, государя, по ночамъ ѣздитъ, и народъ къ ней кричитъ, то чтобъ онъ провѣдалъ кто къ ней въ домъ ѣздитъ“. Минихъ сначала-было обратился къ Лестоку, который былъ при Ели-

¹⁾ Она сочиняла и стихи. Въ первой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ напечатанъ ея акростихъ. П. Б.

²⁾ Анна считала себя прямою наслѣдницею Русскаго престола, какъ старшая внучка царя Алексѣя Михайловича, „Уложеніе“ котораго она перепечатала съ отличнымъ портретомъ; а въ Петропавловской крѣпости устроила Иоанновскіе ворѳта. Однимъ изъ препятствій ко вступленію на престолъ по кончинѣ Петра II-го было время рожденія Елисаветы Петровны. У покойнаго И. М. Снѣгирева случилось намъ видѣть рѣдчайшую гравюру: бракосочетаніе Петра Великаго и Екатерины; съ боковъ у нихъ по дѣвочкѣ съ коронами на головкахъ. П. Б.

саветъ медикомъ со временъ Екатерины I; но, видя, что этотъ не дѣлалъ никакихъ доносовъ, возложилъ должность соглядатая при цесаревнѣ на урядника Щегловитаго, котораго опредѣлили къ ней во дворецъ подъ видомъ управляющаго. Щегловитый, какъ слѣдуетъ, исполнялъ свои обязанности и даже, когда Елисавета выѣзжала со двора, нанималъ извозчиковъ слѣдовать за нею.

Что правительство императрицы Анны серьезно озабочивали Елисавета и принцъ Голштинскій, сынъ сестры ея, это свидѣтельствуется слѣдующая собственноручная записка Остермана, найденная, при восшествіи Елисаветы на престолъ въ его бумагахъ и послужившая тогда главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ этого министра. „1) Хотя опасенія большаго не видно, чтобъ со стороны Голштинскаго принца или тѣтки его всесправедливѣйшему намѣренію ея имп. величества для предбудущей сукцессіи какое важное препятствіе быть могло: однакъ, съ другой стороны, и о томъ сумнѣваться не возможно, что можетъ быть мѣчи и силы у нихъ не будетъ, а охоту всегда имѣть будутъ. 2) Права они никакого къ тому не имѣютъ, понеже въ единой самодержавной волѣ и власти ея и. в. состоитъ по собственному своему соизволенію и благоизобрѣтенію себѣ сукцессора опредѣлить и назначить. 3) Но дабы также всякіе способы и возможность имъ къ тому отнять, видится небезпристойно противъ того потребныя мѣры и человѣческія возможныя предосторожности взять. Чтѣ принадлежитъ до тѣтки (т. е. Елисаветы), то оную отдалить безъ сумнѣнія наиспособнѣйшій и наилегчайшій способъ былъ бы одиножды за все себя внѣ всякаго опасенія отъ нея привести, и для того приходитъ въ разсужденіе, въ чемъ и прежде сего разсуждено было, а именно: не возможно ли оную за одного отдаленнаго чужестраннаго и особливо за такого принца за мужъ выдать, отъ котораго никогда никакое опасеніе быть не можетъ. А противъ Голштинскаго принца можно черезъ добрыя и пристойныя гарантіи себя обнадежить“....

Въ 1733—34 годахъ замѣтили, что у одного изъ пѣвчихъ цесаревны, Малоросса Якова Тарасевича стали водиться деньги и что у него показались цѣнныя вещи, а потому тотчасъ обратили на это вниманіе и допрашивали его пріятелей. Одного изъ нихъ, мундшенка Ивана Строева, ходившаго часто по вечерамъ во дворецъ Елисаветы, сослали въ Сибирь. Въ 1736 году узнано было, что этотъ же Яковъ Тарасевичъ велъ переписку съ бунчуковымъ товарищемъ Андреемъ Горленко, котораго также допрашивали въ Петербургѣ. При этомъ успѣли только открыть, что цесаревна писала къ нему коротенькую

записку съ просьбою о пріисканіи для ея хора двухъ альтистовъ. Записочка была подписана „первый дишкантистъ, о которомъ вы сами знаете“. Горленко объявлялъ, что „слыхалъ онъ отъ пѣвчихъ ея высочества, что изволить она для забавы сама пѣть первымъ дишкантомъ“.

При императрицѣ Аннѣ Россія находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Франціи, но въ 1738 г. послѣдовало, однако, сближеніе между ними*), и въ концѣ 1739 г. въ Петербургъ явился Французскій посоль маркизь де-ла-Шетарди. Въ инструкціи ему внушалось, что хотя на словахъ онъ и долженъ былъ увѣрять правительство императрицы Анны въ расположеніи Франціи, однако на дѣлѣ быть чрезвычайно сдержаннымъ и подъ-рукою узнавать: не осталось ли между Русскими знатными скрытыхъ враговъ иноземному владычеству, также есть ли надежда, что у царевны Елисаветы могутъ явиться приверженцы? При этомъ у Французскаго двора имѣлось въ виду, что, при Биронѣ, Остерманѣ и другихъ Нѣмцахъ, окружавшихъ Анну, было мало надежды на разрушеніе тѣснаго союза между Россією и Австрією; со вступленіемъ же на престолъ Елисаветы, которая, по образу жизни и привычкамъ, была не прочь вернуться къ Руси до-Петровской и не любила иноземцевъ, Франціи казалось легче разорвать Австро-русскій союзъ и возвратить Россію къ прежнему ея положенію, въ которомъ она не вмѣшивалась въ Европейскія дѣла. Въ первое время пребыванія своего въ Петербургѣ до самой кончины Анны, Шетарди ничего не успѣлъ сдѣлать, такъ-какъ въ то время за Елисаветою зорко слѣдили. Въ предсмертной болѣзни своей Анна не скрывала своего нерасположенія къ цесаревнѣ и, по свидѣтельству Бирона, нѣсколько разъ отказывала ей, а если допускала къ себѣ, то на самое короткое время. Впродолженіе кратковременнаго правительства Бирона обнаружались нѣкоторые приверженцы цесаревны, по бѣдшей части изъ гвардейскихъ солдатъ или низшихъ офицеровъ. Чтобы упрочить свое положеніе, герцогъ Курляндскій поспѣшилъ увеличить содержаніе Елисаветы. Впрочемъ надо замѣтить, что Биронъ былъ всегда предупредителенъ къ ней, такъ-что иностранные министры думали, что онъ былъ неравнодушенъ къ ней. Сама Елисавета, незадолго до вступленія своего на престолъ, признавалась Шетарди, что она считаетъ себя много обязанною передъ Бирономъ и постарается, при первой возможности, облегчить его участь, чтѣ дѣйствительно и исполнила по восшествіи своемъ на престолъ. Паденіе Бирона было такъ быстро и доказало такъ ясно всю несостоятельность насильственныхъ мѣръ, что со вступленіемъ

*) Кажется, этому сближенію содѣйствовала жившая въ Парижѣ, обратившаяся въ католичество княгиня И. П. Долгорукая. П. Б.

въ управленіе государствомъ Анны Леопольдовны, сторонники Елисаветы сдѣлались смѣлѣе. Она сама начала дѣйствовать свободнѣе. Такъ, напр. наотрѣзъ отказала на предложеніе правительницы вступить въ бракъ съ братомъ ея мужа, принцемъ Брауншвейг-вольфенбюттельскимъ, котораго нарочно въ этихъ видахъ вызвали въ Петербургъ и прочили въ герцоги Курляндскіе. Елисавета почти въ глаза смѣялась надъ этимъ планомъ, а приближенные видѣли въ томъ желаніе лишить ее какимъ бы то ни было способомъ правъ на престолъ. Около этого времени являлся и другой тайный искатель руки цесаревны—Французскій принцъ Лудовикъ Франсуа Конти, но и его Елисавета отвергла, отвѣчая шутя, что дѣвицѣ, достигшей 32 лѣтъ, неприлично уже думать о замужествѣ. Изъ современныхъ свидѣтельствъ положительно видно, что въ особенности мужъ правительницы, герцогъ Антонъ Брауншвейгскій, окружалъ Елисавету толпою шпионовъ и щедро платилъ даже за всякій ничтожный доносъ, касавшійся ея; однако это не помогло, что весьма назидательно: народной любви нельзя купить однѣми наградами шпионовъ, а послѣдніе, будь ихъ даже легіонъ, не въ состояніи принести ни малѣйшей пользы, когда приходится доносить на весь народъ. Вражда къ преобладанію иноземцевъ и надежда раздѣлаться съ ними заставили массы обратиться къ дочери Петра Великаго. По свидѣтельству фельдмаршала Миниха, „Елисавета Петровна воспитывалась постоянно между офицерами и гвардейскими солдатами, и во время правительства Бирона и принцессы Анны ужасно заботилась обо всемъ, что касалось гвардіи. Не проходило почти ни одного дня, чтобы она не крестила ребенка, родившагося въ этихъ первыхъ полкахъ имперіи и чтобы не угощала ихъ родителей, или не оказывала бы какой-нибудь милости гвардейскимъ солдатамъ, которые ее не называли иначе, какъ „матушка“ *).

Кромѣ небольшого числа лицъ, составлявшихъ ея дворъ доктора Лестока, камер-юнкеровъ Михаила Воронцова, Петра и Александра Ивановичей Шуваловыхъ (Разумовскій тогда не имѣлъ еще никакого придворнаго чина и изъ пѣвчихъ хора цесаревны сталъ управителемъ ея имѣній) и приверженцевъ изъ нижнихъ чиновъ Преображенскаго полка, у Елисаветы въ первое время не имѣлось сторонниковъ изъ высшихъ слоевъ общества: по-крайней-мѣрѣ тамъ не выказывали этого. Въ такомъ ея положеніи явились на помощь послы: Шведскій Нолькенъ и Французскій де-ла-Шетарди. Первый изъ нихъ вошелъ въ

* Ты Елисавета, а мы Захары, говорили ей Преображенскіе гвардейцы (ихъ и теперь въ первомъ батальонѣ зовутъ Захарами). П. Б.

тайные переговоры съ Елисаветою въ той надеждѣ, что Швеція, побивъ ей вступить на престоль, могла разсчитывать на уступку себѣ нѣкоторыхъ завоеванныхъ при Петрѣ Великомъ Шведскихъ областей. Еще въ концѣ царствованія Анны въ Швеціи обнаружилось сильное недовольство Россією и желаніе возвратить то, что было потеряно при заключеніи Ништадтскаго мира. Франція, желавшая обезсилить Россію въ видахъ лишенія ея возможности мѣшаться въ Европейскія дѣла и особенно помогать Австріи, поджигала всѣми способами въ Шведахъ враждебное чувство къ Русскимъ. Но было очевидно, что Швеціи не могла бороться одна противъ такой могущественной державы, какъ Россія; Франція же, по отдаленности и занятая своими ближайшими сосѣдями, не могла оказать вспоможенія Швеціи войсками и обѣщала только денежныя субсидіи. Мысль объявить войну Россіи и въ тоже время приготовить Петербургскому правительству возстаніе внутри въ пользу правъ Елисаветы, казалась и Швеціи и Франціи самою удобною для того, чтобы облегчить Шведамъ исполненіе помянутаго ихъ намѣренія: возвратить потерянные ими прежде области. Нолькенъ и де-ла-Шетарди въ 1741 г. были уже въ прямыхъ, но тайныхъ сношеніяхъ съ Елисаветою при посредствѣ ея доктора, Лестока. Главнѣйшимъ домогательствомъ первыхъ двухъ было то, чтобы подвигнуть цесаревну къ дачѣ письменнаго обязательства, что она, въ случаѣ восшествія на престоль при помощи Шведовъ, уступитъ имъ нѣкоторыя области, завоеванныя ея отцомъ. Настоянія этихъ пословъ были самыя убѣдительныя и коварныя; но Елисавета, не отвергая прямо содѣйствія Франціи и Швеціи, чрезвычайно ловко уклонялась отъ какого бы то ни было формальнаго обязательства, говоря, что готова на всякое денежное вознагражденіе Швеціи, но не можетъ никакъ уступить и пяди изъ принадлежащихъ Россіи земель, такъ-какъ, въ противномъ случаѣ, она неминуемо уронитъ себя въ глазахъ народа. Ни Нолькенъ, ни де-ла Шетарди не успѣли ничего сдѣлать, и Шведы рѣшились объявить войну, не получивъ отъ Елисаветы никакихъ гарантій.

Эти переговоры происходили въ первой половинѣ 1741 г., и въ Мартѣ до правительницы Анны и Остермана стали уже доходить слухи, что Швеція надѣется на Елисавету, и что послѣдняя въ какихъ-то особенно тѣсныхъ сношеніяхъ съ Французскимъ посломъ. Впрочемъ, тогдашнее правительство по всѣмъ признакамъ чувствовало непрочность своего положенія: совершенно разьединенное съ народомъ и, по мнѣнію тогдашнихъ Русскихъ, окруженное иноземцами даже болѣе, чѣмъ въ царствованіе императрицы Анны, оно не имѣло энергіи и дѣйствовало только чрезъ подкупы и шпионовъ. Шведы начали войну въ полной

надеждѣ, что самое внутреннее положеніе Россіи поможетъ имъ; но при этомъ они не разсчитали несоразмѣрности своихъ средствъ. Первое дѣло при Вильманстрандѣ (23 Авг. 1741 г.) доказало ясно, что они были не въ силахъ бороться съ Русскими. Однако гр. Левенгауптъ, начальникъ Шведской арміи въ Финляндіи, не унывалъ отъ первой неудачи и поспѣшилъ распространить манифестъ, гдѣ говорилось, что Шведы начали войну съ Россіею не только въ видахъ полученія законнаго удовлетворенія своихъ притязаній, но и для освобожденія Русскаго народа „отъ несноснаго ига и жестокостей“ чужеземцевъ, которые захватили власть надъ нимъ. Нолькена въ то время уже не было въ Петербургѣ, но Шетарди продолжалъ тайно сноситься съ Елисаветою и передалъ ей этотъ манифестъ на Французскомъ языкѣ. Чтобы распространить его въ Петербургѣ, цесаревна, по свидѣтельству Французскаго посла, сама переводила манифестъ и раздавала съ него копіи своимъ приближеннымъ. Шетарди употреблялъ всѣ старанія, чтобы партія цесаревны не приступала къ рѣшительному шагу прежде, чѣмъ Шведы не приблизятся къ Петербургу, и тѣмъ самымъ подтвердилось бы, что все произошло при непосредственномъ ихъ участіи. Повидимому Елисавета и главный пособникъ ея въ дѣлѣ, Лестокъ, согласились на представленія Француза, однако на дѣлѣ вышло не такъ. 22 Ноября правительница Анна на вечернемъ собраніи во дворцѣ имѣла горячій разговоръ съ Елисаветою, что Французскій посоль интригуетъ противъ правительства, и что Лестокъ, ея докторъ, замѣченъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нимъ. При этомъ сдѣланъ былъ намекъ на арестованіе Лестока. Когда это было передано послѣднему, онъ рѣшился дѣйствовать. Одно обстоятельство помогло при томъ. Замѣчая въ гвардейскихъ полкахъ, и въ особенности въ Преображенскомъ, большую привязанность къ Елисаветѣ, правительство хотѣло удалить ихъ изъ Петербурга на мѣсто военныхъ дѣйствій, почему 24 Ноября и отданъ былъ приказъ выступить части гвардіи въ походъ. Солдатамъ и унтерофицерамъ было не по-сердцу такое распоряженіе, и они явились къ Елисаветѣ съ просьбою поспѣшить окончаніемъ задуманнаго предпріятія. Лестокъ, нимало не медля, въ ночь съ 24 на 25 Ноября (за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Шетарди условливался, чтобы возстаніе произвести въ началѣ Января будущаго 1742 г.) убѣдилъ Елисавету отправиться изъ своего дворца (на Царицыномъ лугу близъ нынѣшнихъ Павловскихъ казармъ) въ Преображенскія казармы на Литейную. Ее сопровождали Лестокъ, Михайло Воронцовъ и отставной музыкантъ изъ Нѣмцевъ, Шварцъ, который былъ посредникомъ при сношеніяхъ цесаревны съ Нолькеномъ и Шетарди. Въ казармахъ ждало этотъ небольшой поѣздъ нѣсколько заранѣе предувѣ-

домленныхъ солдатъ; они разбудили своихъ товарищей, причемъ не было ни одного офицера. Когда собралась толпа изъ солдатъ, Елисавета сказала имъ: „ребята, вы знаете, чья я дочь—подите за мною!“ „Матушка, отвѣчали солдаты, мы готовы, мы ихъ всѣхъ убьемъ“. Но цесаревна заставила сначала присягнуть, что не будетъ пролито при этомъ ни одной капли крови, и послѣ того отправилась во дворецъ*). Тамошній караулъ не оказалъ никакого сопротивленія; только одинъ офицеръ сталъ-было колебаться, но его немедленно арестовали. Спустя нѣсколько часовъ, младенецъ-императоръ Іоаннъ III, мать его правительница Анна со всѣмъ семействомъ были отправлены подъ карауломъ во дворецъ цесаревны. Министры и особенные приверженцы падшаго правительства были арестованы въ тоже время. Въ 8 часовъ утра 25 Ноября весь Петербургъ узналъ, что на престолъ вступила императрица Елисавета. Сохранилось извѣстіе, что Шетарди былъ весьма недоволенъ такою быстрою развязкою безъ участія Шведовъ; однако дѣлать было нечего. Елисавета, проѣзжая мимо его квартиры въ Преображенскія казармы, велѣла ему сказать: „я лечу къ славѣ“, и Шетарди былъ изъ первыхъ, поздравившихъ ее во дворцѣ съ восшествіемъ на престолъ.

Съ самыхъ первыхъ дней вступленія на престолъ, Елисавета обнаружила намѣреніе отдалить отъ управленія государственными дѣлами всѣхъ иноземцевъ, игравшихъ въ Россіи первую роль послѣ кончины Петра Великаго. Намѣреніе это не было тайною для Русскихъ, и народъ думалъ по своему помогать осуществленію его: Нѣмцамъ и на улицахъ, и въ публичныхъ мѣстахъ грозили смертью и говорили прямо, что пора съ ними раздѣлаться. Страхъ, возбужденный въ иностранцахъ такимъ расположеніемъ народныхъ умовъ, перешелъ даже къ Нѣмецкимъ дипломатамъ, бывшимъ тогда въ Петербургъ, и они, по собственному ихъ признанію, трепетали за свою жизнь, а въ своихъ донесеніяхъ описывали происшедшій переворотъ самыми непривлекательными красками. Другая характеристическая черта новаго царствованія состояла въ возвращеніи духовенству если не прежняго допетровскаго значенія (Духовный Регламентъ не успѣли уничтожить при Елисаветѣ), то по-крайней-мѣрѣ многихъ льготъ и преимуществъ, которыя расширили его значеніе, ограниченное при Петрѣ и Аннѣ. Елисавета отличалась особенною набожностью, свойственною Русскому народу: она любила путешествія по св. мѣстамъ, торжественные церковные ходы, строго соблюдала посты²⁾. Духовникъ ея, Дубенскій, имѣлъ на

*) На мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца. П. Б.

2) Того же держалась отчасти и Екатерина Великая. Неужели изъ за такой малости захочу и быть врозь съ милліонами моего народа? писала она къ одной своей знакомой за границу. П. Б.

нее большое вліяніе; чрезъ него-то и Алексѣя Разумовскаго, водившаго хлѣбъ-соль съ высшимъ духовенствомъ, синодальные члены умѣли дѣйствовать на императрицу, о чемъ любопытные рассказы сохранилъ въ своихъ Запискахъ тогдашній оберъ-прокуроръ Синода князь Як. Петровичъ Шаховской. Благодарное духовенство выражало свою признательность въ публичныхъ проповѣдяхъ, гдѣ зачастую и сильно доставалось лицамъ прежняго царствованія, впрочемъ уже безвреднымъ тогда: они или были въ землѣ, или же въ Сибири.

Въ самомъ манифестѣ о восшествіи своемъ на престолъ, 25 Ноября, Елисавета объявила, что назначенный императрицею Анною наслѣдникъ престола, внукъ ея, принцъ Іоаннъ, имѣлъ отъ рожденія только нѣсколько мѣсяцевъ и въ государствѣ отъ того происходили безпокойства и непорядки, а потому вѣрные подданные, и особливо полки лейбъ-гвардіи, просили Государыню вступить на престолъ. Нѣкоторые изъ приближенныхъ Императрицы были недовольны редакціею этого манифеста, и 28 Ноября явился другой, въ которомъ уже подробно объяснялись права Елисаветы на престолъ, въ силу духовнаго завѣщанія Екатерины I, причемъ вся вина неисполненія его по смерти Петра II пала на Остермана.

Не прошло недѣли послѣ вступленія на престолъ, какъ императрица Елисавета поспѣшила возвысить тѣхъ изъ лицъ своего двора, которыя пользовались ея особенною благосклонностью. Первымъ изъ нихъ надобно назвать Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, пожалованнаго сначала въ камергеры, потомъ вскорѣ въ оберъ-егермейстеры, наконецъ въ графы и пр. Неподготовленный съ дѣтства къ блестящей дѣятельности, Разумовскій пользовался своимъ вліяніемъ. ходатайствуя за духовныхъ и Малороссіянь, которымъ выпрашивалъ значительныя льготы; во всемъ прочемъ по государственному управленію его значеніе было ничтожно, но онъ былъ силенъ въ домашней жизни двора. Порошинъ, въ своихъ Запискахъ, сохранилъ о томъ рассказы Елисаветинскихъ придворныхъ; напр. „графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ всегда ѣзжалъ съ нимъ въ Москвѣ на охоту, и гр. Мавра Егоровна (жена его, первая любимица и повѣренная Елисаветы съ юношескихъ лѣтъ) молебны пѣвала по возвращеніи ихъ, что Петръ Ивановичъ батожьемъ отъ него не сѣченъ. Алексѣй Григорьевичъ весьма неспокоенъ бывалъ пьяный“...*)

*) Елисавета Петровна, съ Іюля 1744 года, находилась въ тайномъ бракѣ съ А. Г. Разумовскимъ, и въ Уваровскомъ Порѣчьѣ сохранилась ихъ брачная кровать. П. Б.

Кромѣ Разумовскаго, возвысились Петръ и Александръ Ивановичи Шуваловы. Первый изъ нихъ извѣстенъ какъ составитель разныхъ проектовъ по государственному управленію; онъ заботился объ улучшеніи артиллеріи, отличался въ то же время любостыжаніемъ и оставилъ послѣ себя огромное состояніе. Александръ Шуваловъ знаменитъ, какъ начальникъ ненавистой Тайной Канцеляріи. У него, по словамъ Екатерины II, было постоянное судорожное подергиваніе правой стороны лица—слѣдствіе присутствія при пыткахъ и истязаніяхъ въ завѣдываемомъ имъ управленіи. Лестокуъ былъ также осыпанъ милостями Елисаветы. Въ первое время ея царствованія онъ и Шетарди имѣли сильное вліяніе на политическія дѣла. Лестокуъ, по обычаю, бывшему въ употребленіи при всѣхъ тогдашнихъ Европейскихъ дворахъ, получалъ пенсіонъ отъ Французскаго короля и былъ совершенно преданъ его интересамъ. Вице-канцлеромъ, а потомъ и канцлеромъ сдѣлался Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, и совершенно случайно: это былъ въ то время единственный изъ Русскихъ придворныхъ, знавшій въ совершенствѣ иностранные языки и вполне опытный въ дѣлахъ вѣшной политики. Въ первое время, не будучи въ состояніи бороться съ Лестокомъ и Шетарди, Бестужевъ выказывалъ себя преданнымъ Франціи; но впослѣдствіи, вошедъ въ силу, постоянно держалъ сторону Англіи и Австріи. Камер-юнкеръ Михаилъ Воронцовъ сдѣланъ былъ камергеромъ, женился на родственницѣ Императрицы, гр. Скавронской, былъ впослѣдствіи графомъ, вице-канцлеромъ, а послѣ паденія Бестужева канцлеромъ. Щедро была награждена и та рота Преображенцевъ, которая сопутствовала Елисаветѣ въ ея походѣ на зимній дворецъ, въ ночь съ 24 на 25 Ноября. Изъ этой роты составила лейбкомпанія, сдѣлавшаяся вскорѣ извѣстною своимъ буйствомъ и распущенностью. Сама Императрица приняла на себя званіе капитана ея (капитанъ-поручикъ здѣсь равнялся полному генералу, капралы и рядовые—капитанамъ и поручикамъ). Такъ-какъ большая часть лейбкомпанцевъ была не изъ дворянъ, то ихъ всѣхъ пожаловали дворянствомъ; въ гербахъ имъ дано, въ воспоминаніе событія, строило съ тремя горящими гранатами и три серебряныя звѣзды; дворянскій шлемъ былъ увѣнчанъ лейбкомпанскою каскою, внизу щита была подпись „за вѣрность и ревность“. Лейбкомпанцы всѣ безъ исключенія были надѣлены крестьянами. Всего было роздано при томъ 12640 душъ; сержантамъ досталось изъ нихъ по 500 и болѣе душъ, рядовымъ по 29 душъ.

3 Декабря 1741 г. постановлено, чтобы при ссылкахъ на дѣла царствованія императора Іоанна III не упоминать о немъ, а просто гово-

ритель „правление принцессы Анны Брауншвейгской“. Уничтоженіе всѣхъ памятниковъ царствованія императора Іоанна III было предметомъ особенныхъ заботъ правительства въ продолженіе всего царствованія Елисаветы. Восшествіе на престолъ Елисаветы подало поводъ къ обычнымъ милостивымъ манифестамъ о прощеніи винъ и сложеніи недоимокъ. 31 Декабря 1741 г. уничтожена доимочная комиссія. Въ Январѣ 1742 г. состоялся приговоръ о вѣчной ссылкѣ Остермана, Миниха, Гавр. Головкина, Левенвольда и др. приверженцевъ бывшихъ правлений. Слѣдствіе надъ ними производилось особою комиссіею въ присутвіи самой Императрицы, которая помѣщалась въ особо устроенномъ мѣстѣ, за ширмами, и оттуда иногда передавала приказанія дѣлопроизводителю. 13 Января 1742 г. была прислана выписка изъ дѣла этой слѣдственной комиссіи, а 14 числа тамъ уже состоялось рѣшеніе, въ силу котораго одни приговорены къ колесованію, другіе къ обыкновенной смертной казни. Осужденные были приведены на мѣсто казни, и тамъ объявили имъ милость: вмѣсто смертной казни—вѣчная ссылка въ Сибирь. Современники изъ иноземцевъ утверждали, что означенное слѣдствіе производилось чрезвычайно пристрастно. Въ 1742 г. происходила коронація въ Москвѣ, причемъ были случаи буйства лейбкомпанцевъ и простого народа. Французскій посолъ Шетарди отозванъ былъ изъ Россіи. Елисавета щедро наградила его при отъѣздѣ, и съ удаленіемъ этого дипломата кончилось недолговременное вліяніе Французскаго двора, а 11 Декабря 1742 г. уже былъ подписанъ Бестужевымъ трактатъ съ Англіею, главною непріятельницею Франціи. Въ Январѣ 1742 г. прибылъ въ Россію, по вызову Елисаветы, племянникъ ея герцогъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ Гольштинскій. Императрица была обрадована тѣмъ чрезвычайно. Вскорѣ послѣ того она приказала представить предположенія, какъ образовать герцога, и избрала потомъ планъ, составленный академикомъ Штелинымъ, который съ 1 Іюня 1742 г. и назначенъ къ нему наставникомъ. По разсказамъ Штелина*), Государыня выразилась при этомъ, что она предвидитъ, что его высочеству придется не разъ учиться скучному, но еще чаще прекрасному, почему и выбрала для него человѣка, который бы развлекалъ его полезно и пріятно. 17 Ноября 1742 г. происходило принятіе герцога въ Православіе. При этомъ Императрица всѣмъ распоряжалась въ церкви и сама учила принца, какъ слѣдуетъ полагать крестное знаменіе. Герцогъ тогда же былъ объявленъ наслѣдникомъ престола подъ именемъ великаго князя Петра Ѳеодоровича. Елисаветѣ въ немъ чрезвычайно не нравилось потомъ его предпочтеніе всему Гольштин-

*) Найденыя М. П. Погодинымъ Записки Штелина до сихъ поръ вполне не изданы. П. Б.

скому, и она старалась искоренить въ немъ это, но безуспѣшно. Въ концѣ 1742 г. открылось, что камерлакей Александръ Турчаниновъ, Преображенскаго полка прапорщикъ Петръ Квашнинъ и Измайловскаго сержантъ Иванъ Сновидовъ искали сообщниковъ для возвращенія престола принцу Иоанну. Турчаниновъ толковалъ при этомъ: „Принцъ-де Иоаннъ былъ настоящій наслѣдникъ, а государыня-де императрица Елисавета Петровна не наслѣдница, а сдѣлала-де ее наслѣдницею лейбкомпанія за чарку водки. Смотрите-де, братцы, какъ у насъ въ Россіи благополучіе состоитъ непостоянное, и весьма плохо и непорядочно, а не такъ, какъ при Третьемъ Иоаннѣ было“ и т. п. У Турчанинова, послѣ наказанія кнутомъ, вырѣзаны языкъ и ноздри, и онъ сосланъ въ Камчатку. Наказаны кнутомъ и туда же сосланы Квашнинъ и Сновидовъ.

Въ 1742 году состоялось нѣсколько постановленій, облегчавшихъ строгость тогдашнихъ уголовныхъ законовъ. Такъ 7 Апрѣля не велѣно отсылать на истязанія въ Тайную Канцелярію тѣхъ, у кого въ челобитныхъ являлись ошибки въ императорскомъ титулѣ; 16 Апрѣля монашествующихъ и священствующихъ, за ложное сказываніе „слова и дѣла“ не разстригать и не отсылать молодыхъ въ военную службу, а старыхъ—въ Сибирь на работы вѣчно, а предоставлять Синоду „наказывать такихъ по духовному обыкновенію“. 25 Іюня, помѣщичьихъ крестьянъ и посадскихъ за ложное сказываніе „слова и дѣла“ не бить кнутомъ и не отсылать годныхъ въ военную службу, а негодныхъ—въ Сибирь съ вырѣзываніемъ ноздрей, но возвращать въ прежнія мѣста жительства. 23 Августа Сенатъ признавалъ лицъ обоюгаго пола до 17-ти лѣтняго возраста малолѣтними, не подлежащими за совершенныя ими преступленія смертной казни и пыткамъ; но 18 Іюня 1744 г. малолѣтними по дѣламъ уголовнымъ велѣно было считать только такихъ, которые не достигли 12 лѣтняго возраста. Это измѣненіе послѣдовало вслѣдствіе отзыва святѣйшаго правительствующаго Синода, который, ссылаясь на правила св. отецъ, полагалъ, что „лѣтъ такимъ злодѣямъ изъ написаннаго во мнѣніи правительствующаго Сената можно убавить“ до 12-ти.

7 Августа 1743 г. окончилась война со Швеціею миромъ въ Або. Съ самаго начала войны Шведы испытали всю невыгоду численнаго надъ ними превосходства Русскихъ; несмотря на то, однако, они и по восшествіи на престолъ Елисаветы продолжали настаивать на возвращеніи имъ Выборга и Кексгольма, въ надеждѣ, что новая императрица сдѣлаетъ имъ уступки изъ благодарности за то, что они по-крайней-мѣрѣ держали ея сторону до вступленія ея на пре-

столь. Но Елисавета сдѣлалась императрицею безъ прямого содѣйствія Шведовъ и потому, несмотря на старанія Шетарди, рѣшилась продолжать войну. Шведская армія въ Финляндіи была вскорѣ почти совсѣмъ уничтожена, и Бестужевъ совѣтовалъ императрицѣ воспользоваться этими обстоятельствами для поставленія Швеціи въ такое положеніе, чтобы она не могла болѣе беспокоить Россію. Императрица, однако, желая видѣть на Шведскомъ престолѣ Любскаго епископа Адольфа Фридриха (брата бывшего ея жениха) согласилась на миръ, не столь стѣснительный для Шведовъ. При этомъ императрица Елисавета надѣялась, что принцъ Адольфъ, изъ признательности къ ней, будетъ всегда держать сторону Россіи; но этого, однако, не послѣдовало.

Восшествіе на престолъ Елисаветы не могло истребить въ нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, особенно пользовавшихся значеніемъ и почетомъ при правительницѣ Аннѣ, приверженности къ этой принцессѣ. Они толковали о ней въ своемъ кругу и охотно слушали выходки противъ Елисаветы Австрійскаго посланника маркиза Ботты, которому сильно не нравилось паденіе Брауншвейгской фамилии въ Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекращеніе тамъ Австрійскаго вліянія. Наталья Лопухина, бывшая въ связи съ сосланнымъ обергофмейстеромъ Левенвольдомъ, Анна Бестужева-Рюмина, сестра сосланнаго Головкина, и еще нѣкоторые говорили, что новая императрица „непорядочно и просто живетъ, всюду непрестанно ѣздитъ“, при чемъ упоминалось и о лейбкомпаніи, которую называли „триста канальями“ и пр. Маркизь Ботта увѣрялъ, что онъ прежде спокоенъ не будетъ, пока принцессѣ Аннѣ не поможетъ, и что король Прусскій ей будетъ помогать. Строжайшіе допросы и пытки не открыли ничего, кромѣ разговоровъ и придворной болтовни. Дѣло кончилось тѣмъ, что у Лопухина, жены его и сына ихъ, также у Анны Бестужевой вырѣзаны языки, потомъ они биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь; другіе были наказаны кнутомъ и сосланы въ ссылку. Ботты уже не было тогда въ Россіи, но на него жаловалось Русское правительство Вѣнскому двору. Весь розыскъ былъ веденъ Лестокомъ, врагомъ и канцлера Бестужева и Австрійскаго вліянія при Русскомъ дворѣ. Увидимъ ниже, что, въ свою очередь, Лестоку не прошло даромъ это дѣло.

Изъ распоряженій 1743 года упомянуть можно: указомъ отъ 30 Авг. опредѣлено, по желанію самой императрицы, „для украшенія службы Божіей и обрядовъ церковныхъ установить въ этотъ день крестное хожденіе въ Невскій монастырь „изъ Казанскаго собора“, что соблюдается и до нынѣ, 9 Ноября подтверждено объ освобожденіи

всѣхъ ссыльныхъ на основаніи манифестовъ. При этомъ открылось, что о преступленіяхъ, настоящихъ именахъ, а также и мѣстахъ ссылки многихъ вовсе было неизвѣстно: „и оныхъ невѣдомо содержащихся людей изъ всѣхъ мѣсть присылать гдѣ мы обрѣтаться будемъ съ вѣдомостями, когда, отколь и съ какимъ указомъ посланы, кромѣ тѣхъ дву персонъ (?), о которыхъ мы извѣстны...“ 2 Декабря приказано отъ Государыни: „дабы впредь въ маскарадъ желающимъ ѣздить въ хорошемъ и негнусномъ платьѣ, а въ тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и кокошникахъ не ѣздить“. Къ 1743 году относится слѣдующій рассказъ кн. Шаховскаго. Въ Синодѣ поступило дѣло объ одномъ монахѣ, котораго обличили въ нарушеніи монашескаго обѣта крестьяне. Шаховской хотѣлъ поступить съ виновнымъ строго, однако это ему не удалось, такъ-какъ его сочлены окольными путями чрезъ Ал. Разумовскаго успѣли, что Императрица велѣла наказать крестьянъ, а монаха отпустить. Нѣсколько времени спустя, Государыня, встрѣтивъ Шаховскаго во дворцѣ, сказала: „Чего-де Синодъ смотритъ? Я-де была вчерась на освященіи новосдѣланной при полку конной гвардіи церкви, въ которой-де на иконостасѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по приличности надлежало быть живо изображеннымъ ангеламъ, поставлены рѣзные, на подобіе купидоновъ, болваны, чего-де церковь наша не дозволяетъ“ Шаховской отвѣчалъ, что онъ всѣми мѣрами старается объ устраненіи безпорядковъ, но встрѣчаетъ тому препятствія, и въ доказательство рассказалъ помянутое дѣло. Выслушавъ его, Елисавета сказала: „Боже мой! можно-ль было мнѣ подумать, чтобъ меня такъ обманывать отважились? Весьма о томъ теперь сожалѣю, да ужъ пособить нечѣмъ!“

6 Апр. 1744 г. Императрица, недовольная продаваемыми въ народѣ портретами ея, приказала отобрать всѣ доски, которыми они печатались, и продавать впредь такіе портреты по одобренію приставленнаго для наблюденія Ивана Вешнякова (въ 1747 г. этотъ указъ былъ подтвержденъ снова). 10 Мая 1744 г. въ Синодѣ разсуждали, что иконы въ деревняхъ держатся безъ должнаго благолѣпія, „а понеже многіе иностранные люди по дорогамъ ѣздить и становятся для обнощеванія въ крестьянскихъ избахъ, отчего имѣетъ быть посмѣяніе“, то распорядились наблюдать, чтобы отнынѣ крестьяне свои иконы „имѣли во всякой чистотѣ и почасту бѣ ихъ омывали и пыль обметали...“ Въ томъ же году 12 Дек. Синодъ, подозрѣвая, что вдова Десятова занималась волшебствомъ, постановилъ: „о волшебствѣ Десятовой чинить по силѣ святыхъ правилъ и ея императорскаго величества указовъ“.

9 Фев. 1744 г. пріѣхала въ Москву принцесса Ангальтцербетская съ дочерью своею Софіею-Августою, которымъ сначала Императрица

выказывала много благосклонности. Принцесса Софія 28 Іюня была миропомазана по обряду нашей церкви и названа Екатериною Алексѣвною, а 29 Іюня обручена съ наслѣдникомъ престола. Между тѣмъ мать великой княжны успѣла на себя навлечь неудовольствіе императрицы своимъ вмѣшательствомъ въ придворныя интриги. Шетарди опять пріѣхалъ въ Россію, и именно съ цѣлью низвергнуть канцлера Бестужева, который успѣлъ тогда на столько укрѣпиться, что дѣйствовалъ открыто противъ Франціи за одно съ ея врагами—Англією и Австрією. Княгиня Цербстская, Лестоковъ, Михаилъ Воронцовъ и нѣкоторые другіе держали сторону Шетарди и желали гибели Бестужева. Но Шетарди уже не имѣлъ того значенія у Елисаветы, какимъ онъ пользовался въ первое пребываніе свое въ Россіи, что замѣтно и изъ депешъ его своему правительству, гдѣ онъ очень рѣзко отзывался о Елисаветѣ, ея отвращеніи къ дѣламъ и вообще серьезнымъ занятіямъ и, напротивъ, особенной склонности къ мелочамъ, непрерывнымъ переодѣваніямъ, сидѣнію передъ зеркаломъ и т. п. Бестужевъ успѣлъ перехватить эти депеши, и хотя онѣ были шифрованныя, однако ихъ разобрали (или—на дипломатическомъ языкѣ—перлюстрировали) и представили Императрицѣ. Въ себя отъ гнѣва, она выслала Шетарди подъ караваномъ изъ Россіи.

Весь почти 1745 г. прошелъ въ приготовленіяхъ къ браку великаго князя и въ празднествахъ по случаю этого событія. Подобныя торжества, благодаря болѣе здравымъ понятіямъ объ исторіи въ настоящее время, не стоять вниманія историка; а потому здѣсь слѣдуетъ замѣтить только, что Императрица 16 Марта распорядилась о выдачѣ за годъ впередъ жалованья придворнымъ чинамъ, такъ-какъ они „по пристойности каждаго свои экипажи (для бракосочетанія) приготовить имѣютъ“. Тогда же именнымъ указомъ велѣно было помянутымъ лицамъ изготовить богатыя платья, кареты цугами и проч. „И понеже сіе торжествованіе чрезъ нѣсколько дней продолжено быть имѣетъ, то хотя для онаго каждой персонѣ какъ мужской, такъ и дамамъ, по одному новому платью себѣ сдѣлать надобно“. Впрочемъ, „дозволялось всемилостивѣйше дѣлать и болѣе; служителей же ихъ при экипажахъ по нижеписанной пропорціи имѣть: перваго и втораго классовъ персонамъ у каждой кареты по два гайдука и отъ 8 до 12 лакеевъ, кто сколько похочетъ, токмо бы не менѣе 8 было, такожде по 2 скорохода, и кто можетъ еще по 2 или одному пажу и по 2 егеря“ и т. д. По этому росписанію даже лица четвертаго класса обязаны были имѣть неменѣе четырехъ лакеевъ.

Лѣтомъ 1746 г. у великаго князя Петра Федоровича развилась въ большихъ размѣрахъ страсть къ воинскимъ упражненіямъ. Онъ соста-

влялъ роту изъ своихъ придворныхъ кавалеровъ и съ утра до ночи занимался въ Ораніенбаумѣ стрѣльбою, выправкою, маршировкой. Весь молодой дворъ и великая княжна были измучены и скучали отъ такихъ занятій, Императрица съ неудовольствіемъ узнала объ этой страсти къ игрѣ въ солдаты, и князь Репнинъ, состоявшій при великомъ князѣ и пособлявшій ему въ экзерциціяхъ, въ наказаніе былъ отправленъ къ Русскому корпусу войскъ, посланныхъ въ концѣ 1747 г. на помощь Австріи. Впрочемъ, войска эти не вступали въ дѣло, такъ какъ Ахенскій миръ прекратилъ войну Австріи съ Пруссіею.

Зимою 1748 г. кончилась политическая карьера Лестока: онъ былъ арестованъ, его пытали, а потомъ сослали. Событіе это любопытно въ исторіи описываемаго царствованія, какъ подтвержденіе разсказовъ объ интригахъ и проискахъ партій, особенно часто смѣнявшихся въ Елисаветинскія времена. Выше было сказано, что Лестокъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ Французскимъ посланникомъ: оба они хлопотали о возведеніи на престолъ Елисаветы, а потомъ объ усиленіи вліянія Версальскаго кабинета на внѣшнюю политику Россіи; но Бестужевъ былъ личный врагъ Франціи и всѣми мѣрами противился пропскамъ Французской партіи. Съ высылкою изъ Россіи Шетарди, Лестокъ остался въ Россіи главою Французской партіи, получавшей пенсіоны отъ Версальскаго кабинета, и этимъ-то обстоятельствомъ Бестужевъ воспользовался, чтобы уронить Лестока. Всѣ обвинительныя статьи противъ него главнѣйше касались этого предмета. Лестокъ, при распросахъ и на пыткѣ, выказалъ удивительное присутствіе духа и не выдалъ ни одного изъ Русскихъ приверженцевъ Франціи. Въ обвинительномъ актѣ замѣчательны тѣ мѣста, въ которыхъ Елисавета является сама изобличительницею Лестока въ говоренныхъ имъ въ разныя времена рѣчахъ.

Въ 1748 г. (11 Февраля) подтверженъ Петровскій указъ, чтобы никто, кромѣ священно-церковно-служителей и крестьянъ, не ходилъ съ бородами и въ Русскомъ платьѣ. Указъ этотъ послѣдовалъ вслѣдствіе оригинальнаго предложенія купцовъ Ворожейкина и Курчанинова сдѣлать казнѣ приращеніе въ 50 т. р. отъ неукоснительнаго взыскаія штрафовъ за ношеніе бороды и Русскаго платья, согласно Петровскимъ указамъ. Сенатъ, однако, удовольствовался только однимъ подтвержденіемъ ихъ.—30 Октября 1748 г., по волѣ Императрицы, совершена закладка дѣвичьяго монастыря на мѣстѣ, гдѣ стоялъ ея дворецъ, называвшійся Смольнымъ. Есть преданіе, что Елисавета желала провести остатокъ своей жизни въ монастырѣ. Зная склонность

ея ко всякаго рода развлеченіямъ, быть можетъ, будетъ трудно повѣрять этому; но, съ другой стороны, извѣстно, что съ людьми, впадающими въ крайности, скорѣе случаются самыя неожиданныя превращенія. 12 Декабря 1748 г. изъ разныхъ деревень Бѣлослущкаго уѣзда бѣжало 53 раскольника на Суземь. За ними была погоня, и ихъ нашли въ одномъ скитѣ, верстахъ въ 80 отъ Суземи, собравшимися въ числѣ человекъ 70. Они тамъ заперлись, никуда не выходили и съ посланными за ними въ погоню, а также со священниками, явившимися съ увѣщаніями, переговаривались черезъ окошко: „за чѣмъ-де пріѣхали, говорили раскольники, то и творите, и у насъ намѣреніе положено одно, какое сами знаемъ!“ Къ скиту приставили-было карауль, который, однако, не могъ помѣшать засѣвшимъ въ скитъ 26 Декабря зажечься и погибнуть.—22 Марта 1749 г. разрѣшено, вопреки Петровскимъ постановленіямъ, поступать въ монашество лицамъ, достигшимъ 17-ти лѣтняго возраста. Въ 1749 г. лѣтомъ Императрица находилась въ Москвѣ и предпринимала путешествіе въ Троицкую лавру. Оно совершалось очень долго, и въ это время великій князь забавлялся охотою по окрестностямъ. Въ одну изъ поѣздокъ къ нему явился подпоручикъ Бутырскаго полка Іоасафъ Батуриный, съ предложеніемъ принять престолъ и короноваться. Великій князь пришелъ въ ужасъ и ускакалъ прочь, а Батуриный зимою попалъ въ Тайную Канцелярію. Батуриный съ другимъ своимъ товарищемъ по полку, Тырковымъ, замышляли короновать великаго князя, причемъ предполагалось напасть на дворецъ и умертвить Алексѣя Разумовскаго, который, по мнѣнію заговорщиковъ, былъ главнѣйшимъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ замысла. Тырковъ разсчитывалъ, притомъ, на любовь къ себѣ своихъ гренадеровъ, называвшихъ его не иначе, какъ батюшкою, а Батуриный думалъ подбить фабричныхъ Московскихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были его сообщниками, въ надеждѣ избавиться отъ хозяевъ, обижавшихъ ихъ при расчетахъ. Батурина пытали, а потомъ заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Замѣчательно, что по воцареніи Петра III Батуриный былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, на которыхъ, по повелѣнію императора, не распространилось помилованіе. Екатерина II сослала его въ Камчатку, откуда онъ бѣжалъ потомъ съ извѣстнымъ Беніовскимъ.—Въ Сентябрѣ 1749 г., въ день своихъ именинъ, Императрица пожаловала въ камеръ-юнкеры Ивана Ивановича Шувалова, что обратило вниманіе всего двора. Екатерина II оставила по этому случаю замѣтку, что она была довольна возвышеніемъ молодого Шувалова, такъ какъ видѣла, что и въ пажахъ онъ выказывалъ большое прилежаніе и не выпускалъ изъ рукъ книги. Екатерина же II разсказываетъ, что зимою 1749 г., во время отсутствія двора изъ Петербурга,

тогдашній главноначальствовавшій въ немъ кн. Юсуповъ заставлялъ играть кадетъ Шляхетнаго корпуса (нынѣ 1-го кадетскаго) Русскія трагедіи сочиненія Сумарокова. По возвращеніи въ Петербургъ, Елисавета пожелала видѣть эти представленія, и ей они такъ понравились, что скоро были переведены во внутренность дворца. Между актерами особенно отличался въ роляхъ первыхъ любовниковъ кадетъ Бекетовъ. Разумовскій поспѣшилъ его принять подъ свое покровительство, а Сумарокова взялъ къ себѣ въ адъютанты. Въ тѣ времена при дворѣ видѣли во всемъ этомъ интригу противъ Шуваловыхъ, которые, точно, смотрѣли неблагопріятно на успѣхъ новыхъ театральныхъ зрѣлищъ. И. И. Шуваловъ заказалъ (конечно, въ видахъ кольнуть Сумарокова) писать также трагедіи Ломоносову. Этотъ представилъ своихъ „Темиру и Селима“ и „Демофонта“. Впрочемъ, дѣло не ограничилось однимъ возбужденіемъ соперничества между тогдашними литературными знаменитостями. Въ 1751 г. Бекетовъ, по наговорамъ Шуваловыхъ, попалъ таки въ немилость и переведенъ въ армію.—1 Авг. 1750 г. предписаны были особенно строгія мѣры противъ женщинъ вольнаго поведенія. На этотъ предметъ была учреждена особая коммиссія; всѣхъ подозрительныхъ женщинъ хватали, допрашивали и съ бесчестіемъ сажали въ особо устроенный Калинкинскій домъ. По нѣкоторымъ иностраннымъ извѣстіямъ, мѣра эта была будто-бы вызвана въ видахъ заботливости о добрыхъ нравахъ нѣкоторыхъ изъ придворныхъ, и въ особенности одного изъ нихъ (И. И. Шувалова).—21 Декабря 1751 г. генералъ-полиціймейстеръ Татищевъ объявилъ въ Москвѣ высочайшее повелѣніе: „по прошеніямъ здѣшнихъ обывателей, которые похотятъ для увеселенія честныя компаніи и вечеринки съ пристойною музыкою, или для нынѣшняго предъидущаго (sic) праздника Русскія комедіи имѣть въ томъ позволеніе имъ давать и воспрещенія не чинить, токмо съ такимъ подтвержденіемъ, чтобы при тѣхъ вечеринкахъ никакихъ не порядковъ и противныхъ указамъ поступокъ, и шуму и драки не происходило, а на Русскихъ комедіяхъ въ черническое и прочее касающееся до духовныхъ персонъ платье, не наряжались и по улицамъ въ такомъ же и въ прочемъ, приличномъ къ комедіямъ ни въ какомъ нарядѣ, не ходили и не ѣздили...“ Императрица боялась покойниковъ и не любила никакого напоминанія о смерти. Такъ еще въ 1746 г. было сдѣлано распоряженіе объ уничтоженіи кладбищъ за Калинкинскимъ мостомъ и у Вознесенскаго моста, потому, какъ сказано въ указѣ, что Государыня, „во время высочайшаго своего шествія въ Екатерингофъ, оныя кладбища сама усмотрѣть изволила“. 11 Іюля 1751 г. было рѣшительно воспрещено всѣмъ жителямъ столицы (за исключеніемъ иностранныхъ пословъ) носить при траурѣ платье съ

плерёзами изъ сукна и байки. 3 Ноября 1751 г. запрещено печатать придворныя извѣстія безъ предварительнаго объявленія о томъ кабинету Государыни. Поводомъ къ тому было помѣщеніе въ Октябрьскихъ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, что въ бывшемъ ея имп. величества походѣ въ Красное Село она изволила забавляться псовою охотою. 24 Декабря 1751 г. послѣдовало распоряженіе о водвореніи въ Россіи Сербовъ и другихъ Славянъ для учрежденія изъ нихъ гусарскихъ и пандурскихъ полковъ. Поселеніе занимало въ заднѣпровскихъ мѣстахъ сѣверную часть нынѣшней Херсонской губерніи, между р. Синюхой, южной границей Кіевской съ Херсонскою губерніею, р. Днѣпромъ и границею, проходившею между Елисаветградомъ и Бобринцемъ, южиѣе г. Александра. 27 Октября 1751 года запрещено частнымъ лицамъ употреблять придворную ливрею, „такоежъ съ бѣлыми простынками на лошадахъ, кромѣ кавалеровъ двора ея и. в., никакого чина и званія не вѣдять; а ихъ и. высочествъ кавалеры имѣть будутъ простынки: государя в. князя—синія, государыни в. княгини—красныя“. Впослѣдствіи эти распоряженія о простынкахъ до конца царствованія Елисаветы повторылись нѣсколько разъ.

15 Декабря 1752 г., при сложеніи съ народа недомки подушнаго сбора съ 1724 по 1747 г., указъ начинался такъ: „По вступленіи нашемъ на прародителей и родителей нашихъ престолъ, какое попеченіе о приведеніи имперіи и подданныхъ въ силу и лучшее состояніе мы простираемъ, довольно извѣстно. По которому имперія такъ силою возрасла, что лучшаго времени своего состоянія, какое донинѣ, не было, несравненно превосходить во умножившемся доходѣ государственнымъ и народѣ, изъ котораго состоитъ и комплектуется высокочлавная наша армія; ибо какъ въ доходахъ, такъ и въ упомянутомъ народѣ едва не пятая часть прежнее состояніе превосходить. Богу, споспѣшествуемому намъ, благодареніе!“ 29 Марта 1753 г. преступниковъ, обвиненныхъ въ смертномъ убійствѣ, повелѣно жестоко наказывать кнутомъ и, по наложеніи на лицъ клеймъ, ссылатъ навѣчно въ каторжную работу. До того времени, съ воцаренія Елисаветы за подобныя преступленія (прежде за нихъ полагалась смертная казнь) отсѣкалась правая рука, что въ 1753 г. признано неудобнымъ, такъ-какъ наказанные такимъ образомъ „ни къ какимъ уже работамъ дѣйствительны быть не могутъ, но токмо тунѣ получать себѣ будутъ пропитаніе“. Изъ этого же указа видно, что еще 10 Мая 1744 г., по повелѣнію императрицы, „всеѣ натуральной и политической смерти экзекуціи были остановлены“. На другой день, т. е. 11 Мая, велѣно было представить Государынѣ, за какія вины политическая смерть и какая именно по указамъ поло-

жена? Отвѣта на это не было подано до 1753 г., а 29 Марта того года представленъ былъ Елисаветѣ докладъ, гдѣ говорилось, что положительныхъ указовъ о томъ, за какія вины полагается наказаніе политической смертью, не имѣется, и Сенатъ представлялъ и Государыня утвердила, что „политическою смертью должно именовать то, ежели кто положенъ будетъ на плаху, или взведенъ будетъ на висѣлицу, а потомъ будетъ наказанъ кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, или хотя и безъ всякаго наказанія, токмо къ вѣчной ссылкѣ“. Приговоры къ этому наказанію должны были представляться на окончательное рѣшеніе Сената. вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждена сила указа 1720 г., по которому жены наказанныхъ политической смертью могли оставаться на свободѣ и жить въ приданныхъ своихъ деревняхъ, а дѣти изъ недвижимаго и движимаго имѣнія отцовъ получали указныя части.

20 Декабря 1753 г. уничтожены таможи и разные сборы, установленные до того времени внутри государства. Объ этомъ постановленіи, впрочемъ, чрезвычайно благотвельномъ для государства, кн. Шаховской, въ разговорѣ съ гр. Петромъ Шуваловымъ, говорилъ: „Ваши представленія и старанія со всѣхъ внутреннихъ торговыхъ продажъ снята пошлина, и та сумма прибавлена въ сборы по тарифу къ пограничнымъ, собираемымъ въ таможахъ, пошлинамъ; но и въ томъ ваши же собственные пользы почитаютъ, что тѣмъ освободилось ваше желѣзо отъ платежа внутреннихъ пошлинъ. Да еще многіе, а паче и оберъ-президентъ магистратской, вами же въ оный чинъ произведенный, многимъ откровенно сказываетъ, что онъ уговорилъ купцовъ, и они расположили со всѣхъ сдѣлать сборъ для покупки и подносу всемилоливѣйшей нашей Монархинѣ, въ знакъ благодарности своей за то снятіе внутреннихъ пошлинъ, брилліантовыхъ вещей по вашему жъ приказанію; изъ тѣхъ же сборовъ, какъ и всѣмъ извѣстно, вашему сіятельству богатая съ брилліантами звѣзда и крестъ кавалерскій св. ап. Андрея поднесенъ...“—Въ 1754 г. майоръ Евреиновъ приказалъ своимъ людямъ схватить съ качелей дѣвушку Авдотью Алексѣеву, которая, по приводѣ къ нему въ домъ, была имъ изнасилована. Когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія Императрицы, то она сначала приказала женить Евреинова на Алексѣевой, если онъ холостъ, а ежели женатъ, то взять изъ его недвижимаго имѣнія половину въ пользу Алексѣевой, людей же Евреинова наказать на площади кошками. 6 дней спустя, 26 Апр. послѣдовало по этому дѣлу новое, болѣе мягкое рѣшеніе: ежели у Евреинова уже сговорена невѣста, то ему жениться на ней, а Алексѣевой Евреинову заплатить 2000 рубл.—17 Апр. 1754 г. Императрица приказала посвящать въ архимандриты и архіереи только

изъ однихъ Великороссіянь. Причина такого расположенія въ самомъ указѣ не объяснена, но въ первой половинѣ XVIII столѣтія не только между Великорусскимъ духовенствомъ, но и свѣтскими людьми замѣтно было недовольство на то, что со временемъ Петра Великаго высшія іерархическія должности давались преимущественно Малороссіянамъ, болѣе образованнымъ и вообще податливымъ на всѣ нововведенія.

13 Мая 1754 г. учреждены государственные заемные банки для дворянства въ Петербургѣ и Москвѣ и одинъ въ Петербургѣ „для поправленія при Петербургскомъ портѣ коммерціи и купечества“. Банки учреждались собственно „для уменьшенія въ государствѣ процентныхъ денегъ“, такъ-какъ ростовщики брали не только по 12%, но и по 20%, „чего во всемъ свѣтѣ не водится“, а также сильно притѣсняли при самой незначительной просрочкѣ. Эти банки основаны по мысли гр. Петра Шувалова. По его же представленію учреждена 24 Авг. 1754 г. комиссія для сочиненія уложенія, которое предполагалось раздѣлить на 4 части: 1-ая содержитъ въ себѣ все то, что надлежитъ до суда и до судебныхъ мѣстъ, и въ какихъ случаяхъ письменные и словесные суды производить и по нихъ рѣшеніе чинить; 2-ая гласитъ о такихъ правахъ, которыя подданнымъ въ государствѣ, по разному ихъ состоянію, персонально принадлежатъ; 3-ья содержитъ въ себѣ все то, что до недвижимаго и движимаго имѣнія принадлежитъ, и по какимъ крѣпостямъ и случаямъ оныя кому и какимъ образомъ крѣпки быть должны; 4-ая показываетъ, какимъ порядкомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производить, и какія за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы положены. Извѣстно, что эта комиссія не успѣла выполнить проекта въ такихъ размѣрахъ.

20 Сентября 1754 г. наконецъ родился сынъ у великаго князя. Императрица послѣ брака наслѣдника престола не разъ высказывала недовольствіе, что у него не было дѣтей. Теперь она была такъ обрадована рожденіемъ внука, что тотъ часъ же взяла его въ свои комнаты, распорядилась при этомъ всѣмъ сама и для хожденія за новорожденнымъ приставила толпу старыхъ женщинъ, которыя держали ребенка въ жарко натопленной комнатѣ, завернутымъ въ мѣховыя одѣяла. Мать его могла видѣться съ нимъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Съ извѣщеніемъ объ умноженіи царскаго семейства въ Швецію былъ посланъ состоявшій до того времени при молодомъ дворѣ Сергѣй Салтыковъ. Едва онъ исполнилъ это порученіе, Елисавета поспѣшила его отправить Русскимъ министромъ въ Гамбургъ. Рожденіе великаго князя

Павла было поводомъ къ праздникамъ, которые длились всю зиму до поста.

Съ 1755 г. иностранные министры стали жаловаться на особенную медленность въ ходѣ дѣлъ при Петербургскомъ дворѣ. Императрица, окруженная семействомъ Шуваловыхъ, или была нездорова, или развлечена, отчего многія нетерпящія отлагательства бумаги лежали безъ движенія единственно за неподписаніемъ ихъ.

12 Января 1755 г., по представленію И. И. Шувалова, основанъ въ Москвѣ университетъ. Въ первые годы его существованія тамъ ежегодно давались разныя затѣйливыя иллюминаціи, но успѣхи преподаванія были не такъ блистательны, чему неопровержимыя свидѣтельства остались въ Запискахъ Фонвизина. 6 Ноября 1755 г. рѣшительно воспрещено проносить для погребенія умершихъ мимо дворца, по Мойкѣ и Невскому проспекту. Въ 1756 г. разрѣшено частнымъ лицамъ гулять въ придворныхъ садахъ по Четвергамъ и Воскресеньямъ „съ исключеніемъ матросовъ, такожъ и господскихъ ливрейныхъ и подлаго народа. Только притомъ смотрѣть, чтобы были въ опрятности; а кои будутъ неопрятны, т. е. волосы неубраны, платки на шеѣ и въ сапогахъ, также въ сѣрыхъ кафтанахъ и изъ купцовъ съ бородами, а женщины въ Русскомъ платьѣ, въ чепчикахъ и прочихъ тому подобныхъ простыхъ платьяхъ, отнюдь не допускать“... 18 Юля 1756 г. запрещено строиться раскольникамъ въ отдаленныхъ отъ селеній мѣстахъ въ видахъ предупрежденія самосожженія, которое повторилось въ это царствованіе въ Двинской трети Устюжскаго уѣзда. Въ томъ же 1756 г., въ деревнѣ Мальцовой Томскаго воеводства сожгли себя 172 чел. въ 9 избахъ обнесенныхъ палисадомъ. Они говорили, что собрались „страдать за вѣру Христову и за крестъ двоеперстнаго сложенія“.—Въ 1756 г. учрежденъ постоянный Русскій театръ, а директоромъ его назначенъ писатель Сумароковъ.

Болѣзненное состояніе Императрицы и увеличивавшаяся въ ней съ лѣтами неохота къ занятіямъ государственными дѣлами все болѣе и болѣе давали просторъ партіямъ, которыми, быть-можетъ, никогда не изобиловала такъ Россія, какъ въ описываемую эпоху. Рѣшительное участіе Русскихъ въ Семилѣтней войнѣ было дѣломъ всемогущихъ тогда Шуваловыхъ, соединившагося съ ними вице-канцлера Воронцова и Французскаго правительства. Послѣднее было тогда въ союзѣ съ Австріею противъ Пруссіи и Англии, и Государыню убѣдили послать на помощь Маріи Терезіи Русскія войска за границу. При этомъ канцлеръ Бестужевъ уже игралъ второстепенную роль. Сначала онъ былъ непріателемъ супруги великаго князя, но потомъ, благодаря

посредничеству Сергѣя Салтыкова, а послѣ Понятовскаго, между Екатериною и Бестужевымъ произошло сближеніе: канцлеръ, зная нерасположеніе къ себѣ великаго князя и предвидя, какого значенія могла со временемъ достигъ великая княгиня, по своему характеру и рѣшительности, составилъ даже предположеніе о правительствѣ въ Россіи на случай кончины Императрицы. Бестужевъ потомъ уничтожилъ это предположеніе, но многіе иностранные писатели удостовѣряють, что оно заключалось въ устраненіи отъ правленія великаго князя и въ возведеніи на престолъ малолѣтняго его сына подъ опекою Екатерины. Последней не нравилась война съ Пруссіею, потому-что это вредило интересамъ Англій, дружбою которой она тогда дорожила; чтò же касается великаго князя, то онъ былъ преданъ Фридриху до обожанія. Все это зналъ Бестужевъ точно также, какъ и Апраксинъ, на котораго было возложено командованіе арміею, посланною противъ Прусаковъ. Послѣ разныхъ намѣренныхъ промедленій, Апраксинъ въ 1757 году, достигъ Пруссіи, одержалъ здѣсь значительную побѣду при Эгерсдорфѣ и потомъ тотчасъ же обратился съ войсками въ Россію. Отступленіе это было сдѣлано такъ, что походило на постыдное бѣгство. Апраксина арестовали въ концѣ 1757 г., а въ началѣ 1758 г. таже участь постигла и Бестужева. Или потому, что послѣдній успѣлъ скрыть въ-время всѣ матеріалы, которые могли бы служить къ его обвиненію, или дѣйствительно ловкими отвѣтами счумѣлъ онъ скрыть истину (слѣдственное дѣло по этому предмету дошло лишь въ отрывкахъ), только прямыхъ доказательствъ виновности Бестужева и сущности сношеній его съ великою княгинею найдено не было. Какъ бы то ни было, но Императрица негодовала на Екатерину, которой говорила: „вы мѣшаетесь во многое, чтò васъ не касается; я бы не рѣшилась на это при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ“... Впрочемъ, изъ донесеній иностранныхъ пословъ видно, что между Государынею и великою княгинею послѣдовало было въ Іюнь 1758 г. примиреніе, но не надолго, и Екатерина послѣдніе три года царствованія Елисаветы была въ рѣшительной немилости при дворѣ. Наслѣдникъ же престола, чѣмъ болѣе слабѣла Елисавета, тѣмъ болѣе становился смѣлымъ, и подъ конецъ даже не скрывалъ, по свидѣтельству своихъ приближенныхъ, что во время самаго разгара войны Россіи съ Фридрихомъ II постоянно былъ въ сношеніяхъ съ нимъ, получалъ отъ непріятели извѣстія о ходѣ военныхъ событій и передавалъ, съ своей стороны, разныя новости, которыми, разумѣется, умѣлъ пользоваться такой человѣкъ, какъ Фридрихъ II. Вообще, участіе въ Семилѣтней войнѣ стоило Россіи много денегъ и еще болѣея траты людей. Неимѣніе опытныхъ и свѣдущихъ полководцевъ, безпрестанная смѣна ихъ, обычныя интриги

Австріи и совершенное отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ союзниковъ сдѣлали то, что Русское оружіе не приобрѣло въ этой войнѣ особенной славы. Нѣсколько побѣдъ, одержанныхъ Русскими, ничтожны, если принимать въ соображеніе затруднительность положенія Прусскаго короля и ограниченность средствъ, съ которыми ему приходилось бороться въ войнѣ съ такими могущественными непріятелями, каковы были Австрія и Россія. Тѣмъ не менѣе, однако, превосходство силъ начало наконецъ брать верхъ, и въ 1761 г. большая часть Пруссіи была занята Русскими; въ Кёнигсбергѣ правила завоеванными областями Русская канцелярія съ Русскимъ генераль-губернаторомъ; послѣ троекратнаго возобновленія осады Кольберга, Русскіе взяли его... Но вскорѣ послѣдовавшая смерть Елисаветы, и вступленіе на престолъ романическаго обожателя Фридриха II, Петра III, спасло Пруссію.

Изъ внутреннихъ событій послѣднихъ годовъ царствованія Елисаветы заслуживаетъ упоминанія: приобрѣтеніе съ 1756 года учрежденною при дворѣ Конференціею особеннаго значенія. Въ началѣ царствованія Государыня намѣревалась представить одному Сенату власть высшаго правительственнаго учрежденія, но подъ конецъ Конференція сдѣлалась тѣмъ же, что были уничтоженные Верховный Тайный Совѣтъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II и Императорскій Кабинетъ при Аннѣ. Изъ словъ члена Конференціи, кн. Я. Шаховскаго видно, что она въ послѣднее время распоряжалась иногда сама, безъ разрѣшенія Императрицы. 22 Января 1757 г. не велѣно было рвать ноздрей у преступницъ, ссылаемыхъ въ Нерчинскъ, такъ какъ „женска пола колодницы изъ такихъ отдаленныхъ въ Сибири мѣстъ и побѣговъ и воровства чинить не могутъ“. 5 Мая 1757 г. велѣно всѣхъ домашнихъ учителей подвергать испытаніямъ въ Петербургѣ при Академіи Наукъ, а въ Москвѣ—въ Университетѣ. Мѣра эта считалась тогда необходимою: высшее Русское общество желало какимъ бы то ни было образомъ офранцузиться, и потому былъ сильный запросъ на Французскихъ гувернёровъ и гувернантокъ. Въ Россію являлись на эти должности, по свидѣтельству самихъ же Французовъ (напр. де-ла-Мессельера), толпы Французскихъ проходимцовъ, развратниковъ и всякаго рода негодяевъ. Всѣхъ ихъ принимали, однако, съ распростертыми объятіями и довѣрчиво вручали имъ попеченіе объ образованіи юношества изъ высшихъ слоевъ Русскаго общества. По представленію И. Шувалова, 6 Ноября 1757 г. учреждена въ Петербургѣ Академія Художествъ, отъ которой надѣялись „великой пользы казеннымъ и партикулярнымъ работамъ, за которыя иностранные посредственнаго знанія, получая великія деньги, обогатятся, возвращаются, не оставя по сѣе время ни

одного Русскаго ни въ какомъ художествѣ, который бы умѣлъ что дѣлать“.—Въ 1757 г. многіе помѣщичьи крестьяне, забравъ свои пожитки, бѣжали къ Царицыну и, переправившись черезъ Волгу, рыли себѣ тамъ землянки. Когда ихъ спрашивали о причинѣ такого переселенія, они отрѣчались, что бѣгутъ въ Царицынъ и на Камышенку для приписки къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ будто бы опредѣленъ вымышленный майоръ Парубичъ.—21 Іюля 1758 г., по представленію Н. Шувалова, основана Гимназія въ Казани „для размноженія наукъ въ имперіи“.—16 Мая 1760 г. „ея величество соизволила обывателямъ отъ полиціи наикрѣпчайшее подтвердить, чтобъ кучера, будучи близъ двора ея императорскаго величества, отнюдь бичами не хлопали“.—31 Августа подвержены прежніе указы, воспрещавшіе „въ торговыхъ баняхъ... мужеска и женска пола людямъ париться вмѣстѣ“.—18 Марта 1761 г. ея величество, „разсуждая о умножившейся расточительной роскоши молодыхъ людей и сожалѣя матерне о томъ, что молодые дворяне отъ того крайне разоряются, для отвращенія онаго... указала, чтобъ указомъ Правительствующаго Сената вывозъ изъ чужихъ краевъ излишнихъ вещей, какъ-то: кружевъ, блондъ и галантерей, какъ-то, бумажныя табакерки и прочаго тому подобнаго, запрещенъ былъ“...

Для характеристики положенія помѣщичьихъ крестьянъ у своихъ помѣщиковъ въ то время можетъ служить одно дѣло 1761 года. Въ одномъ изъ госпиталей умеръ, вскорѣ по поступленіи туда, крестьянинъ майора Лазарева, Пантелѣевъ; на немъ были боевые знаки, по которымъ видно было, что „смерть ему, Пантелѣеву, приключилась отъ учиненныхъ означеннымъ помѣщикомъ его побой“. У крестьянина была рана на брови, спина вся избита и черна, на лядвяхъ и по стегнамъ синева, на головѣ кожа пробита. Несмотря на всѣ эти признаки, госпиталь не сдѣлалъ анатомическаго вскрытія „за теплымъ нынѣ воздухомъ“. Самъ Лазаревъ показывалъ, что онъ наказывалъ Пантелѣева и человѣку своему Иванову сперва тростью, а потомъ березовою палкою бить приказывалъ за его, Пантелѣева, пьянство, лѣность и неучтивство, но къ смертному убійству его намѣренія не имѣлъ. Главная Полиція, а потомъ и Сенатъ рѣшили: въ разсужденіи того, что онъ, Лазаревъ, имѣетъ штабъ-офицерскую честь, его отъ тѣлеснаго наказанія избавить, а за неумѣренное наказаніе своего человѣка послать на церковное покаяніе“...

17 Ноября 1761 года, императрица захворала простудною лихорадкою; она было прошла, но 12 Декабря, вмѣсто нея, открылась

жестокая рвота съ кровью и кашель. 23 Декабря болѣзнь усилилась. Елисавета приобщилась тогда, а 24 соборовалась масломъ. Вечеромъ того дня она два раза приказывала читать отходныя молитвы, при томъ, по словамъ одного современнаго свидѣтельства „съ такимъ бодрствующимъ и присутственнымъ духомъ, что важнѣйшія сей молитвы слова за духовникомъ, оную читающимъ, всегда явственно и съ великимъ къ Богу усердіемъ повторять изволила“. 25 Декабря въ 4¹/₃ часа по-полудни императрица Елисавета скончалась.

*

Въ настоящее время нельзя еще произнести приговоръ царствованію Елисаветы. Кромѣ разныхъ, для науки постороннихъ причинъ, затрудненіе при этомъ заключается въ томъ, что до сихъ-поръ не обнародованы и не разсмотрѣны критически все относящіяся къ этой эпохѣ матеріалы. Иноземныя извѣстія, и въ особенности оставленныя Нѣмцами, наполнены самыхъ неблагопріятныхъ отзывовъ объ Елисаветинскихъ временахъ. Если повѣрить имъ на слово, то можно допустить, что Елисаветинское царствованіе было гораздо тяжелѣе для Россіи, чѣмъ эпоха, извѣстная подъ именемъ Бироновщины. Но въ этомъ случаѣ Нѣмцамъ вѣрить нельзя: во времена Елисаветы было оскорблено ихъ національное самолюбіе тѣмъ, что они уже не играли при ней той роли, какую себѣ присвоили въ правленіе Россіею послѣ Петра Великаго. Елисавета дѣйствовала наперекоръ укоренившемуся у Нѣмцевъ вѣрованію, что безъ нихъ нѣтъ спасенія ни Русскимъ, ни вообще Славянамъ на землѣ. Если справедливо, что Елисавета увлекалась нерѣдко личнымъ чувствомъ мести и наговорами приближенныхъ, не заслуживавшихъ ея довѣрія, что она не любила занятій государственными дѣлами, что въ ея время еще слышалось страшное „слово и дѣло“, и сотни несчастныхъ съ рваными ноздрями и вырѣзанными языками ссылались въ Сибирь часто за ничтожное выраженіе или ничего незначащую выходку: то, съ другой стороны, будетъ несправедливо не признавать, что въ царствованіе именно Елисаветы впервые выказалось въ Россіи стремленіе къ смягченію жестокости уголовныхъ наказаній, и смертная казнь не была въ такомъ употребленіи, какъ въ предшествовавшее время, когда казнили смертью не только всякаго признаваемаго за государственнаго преступника, но и старовѣра, который хотѣлъ креститься двумя, а не тремя перстами. Конечно, для насъ теперь кажутся ничтожными такія смягченія, но въ тѣ времена особенной жестокости и произвола они казались значительными. Какъ трудно было провести какое-нибудь смягченіе въ нашемъ уголовномъ

законодательствѣ, можно судить по приведенному выше случаю изъ разсужденій Сената и Синода о томъ, съ какихъ лѣтъ признавать преступника совершеннolѣтнимъ? Германъ въ своей исторіи Россіи неблагопріятно отзывается какъ обо всемъ царствованіи, такъ и о временщикахъ, въ то время бывшихъ. Дѣйствительно, послѣдніе, какъ и всѣ вообще люди, которымъ предоставляется неограниченный произволъ въ управленіи государствомъ, были тяжелы и ненавистны для народа; но, не смотря на то, они все-таки были всѣ коренные Русскіе и уже потому самому менѣе вредны, чѣмъ временщики-иноземцы. Напр. Алексѣй Разумовскій доставилъ, благодаря своему вліянію, много льготъ и облегченій для Малороссіи, чтó конечно, для Россіи было полезнѣе, чѣмъ въ прежнія времена покупка на Русскія деньги графства для Бирона въ Силезіи, или уплата Русскими же деньгами его Курляндскихъ долговъ. Петръ Шуваловъ привелъ въ хорошее состояніе Русскую артиллерію и заботился о своемъ корпусѣ болѣе, чѣмъ Минихъ, который ни во чтó ставилъ жизнь Русскаго солдата и славился своею жестокостію. Иванъ Шуваловъ основалъ въ Москвѣ Университетъ, въ Казани Гимназію, покровительствовалъ Ломоносову, а Разумовскій—Сумарокову. Могло ли придти въ голову что-нибудь подобное Бирону или Левенвольду, когда они не знали не только Русской грамоты, но не умѣли и двухъ словъ сказать правильно по-русски?

Если съ этой точки зрѣнія смотрѣть на царствованіе Елисаветы, тогда, конечно, будетъ понятна замѣтка отставнаго майора Данилова: „По кончинѣ ея открылась любовь къ сей монархинѣ и сожалѣніе. Всякій домъ проливалъ по лишеніи ея слезы, и тѣ плакали неутѣшно, кои ея не видали никогда. Толико была любима въ своемъ народѣ!“

П. Пек.

*

Печатныя извѣстія о Елисаветѣ и ея царствованіи, кромѣ разбросанныхъ свѣдѣній въ „Запискахъ“ Бергольца, *дока de-Luria*, *Манштейна* и обоихъ *Миниховъ*, у Германа въ его „Geschichte des Russ. Staates“, томы IV и V; но онъ, какъ замѣтили мы выше, одностороненъ, такъ какъ главнѣйше основывался на свидѣтельствахъ иноземцевъ и въ особенности Нѣмецкихъ дипломатовъ, которые имѣли свои причины быть недовольными направленіемъ тогдашней Россіи. Тоже можно сказать и о сборникѣ „La cour de Russie il y a cent ans“. О восшествіи на престолъ Елисаветы см. „Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи, 1840—42“ (1862). Любопытныя черты для той эпохи „въ Запискахъ“ *Шаховскаго*, *Екатерины II*, *Болотова* и *Данилова*. О царствованіи Елисаветы: см. въ „Молвѣ“ 1857 г., № 18: О пребываніи царевны Елисаветы Петровны въ Александровской слободѣ, въ „Русскомъ Словѣ“ 1859 г. №№ 2, 6 и 8, 1860 г. №№ 1 и 2. „Елисавета до восшествія на престолъ и первые два года ея царствованія“; въ „Запискахъ гидрогр. департамента“, 1847 г. ч. V „Мор-

скіе походы противъ Шведовъ 1742—43 г.г.". Въ „Русскомъ Вѣстникѣ 1860 г. № 13, о Натальѣ Лоцухиной; о Семилѣтней войнѣ статьи въ „Военномъ Сборникѣ“ за 1857 и 1862.

Елисавета Петровна была высокаго роста и очень статна. Екатерина II въ Запискахъ своихъ говоритъ, что къ ней очень шоль мужской костюмъ, и она любила переряжаться мужчиною, причемъ выказывалась лучше всѣхъ своихъ придворныхъ дамъ. Блестящей бѣлизны кожа, прекраснаго цвѣта темные шелковистые волосы, круглое лицо, впоследствии очень полное, тонко очерченные ноздри и ротъ, при живыхъ глазахъ составляли до того восхитительно красивое лицо, что не находилось красавицъ не только въ Россіи, но и между царствовавшими особами Европы, которыхъ бы Елисавета не затмѣвала своею наружностью. Ранній портретъ Елисаветы, безъ сомнѣнія, тотъ, гдѣ она вмѣстѣ съ старшею сестрою изображена въ видѣ крылатаго генія, кистью Каравака. Затѣмъ есть ея портретъ уже дѣвицею въ полномъ развитіи, около времени вступленія на престолъ. Изображеніе Елисаветы въ коронаціонномъ уборѣ (бѣломъ платьѣ, шитомъ золотомъ и императорской коронѣ съ мантиею) стоящей подъ балдахиномъ возлѣ трона со скиптромъ и державою въ рукахъ, сохранилось въ двухъ гравюрахъ чернымъ манеромъ Штенглина, разныхъ размѣровъ; одинъ экземпляръ приложенъ къ изображеніямъ коронаціи, другой—къ похвальной одѣ Академіи Наукъ. Болѣе прочихъ знамениты портреты, писанные Токè (L. Tocqué 1758) и Ротари (1760). Первый написалъ превосходно императрицу во весь ростъ, въ голубомъ парчевомъ платьѣ, а Ротари—по грудь въ палантинѣ изъ черныхъ кружевъ, съ розою въ головномъ уборѣ. Съ живописи Токè превосходно выполнилъ большую гравюру въ Петербургѣ бывшій на службѣ Академіяхъ Наукъ и Художествъ, Берлинскій гравёръ Шмидтъ въ 1761 году, за нѣсколько дней до смерти императрицы. Съ Ротари гравировалъ Е. П. Чемесовъ, иглою, тоже прекрасно.

II. II.

Замѣчательно, что императрица Елисавета, которая ни разу не вела войны съ Турціею, живеть въ памяти Сербскаго народа; онъ приписываетъ ей, подъ именемъ „госпожи Елисавки“, подвиги Екатерины II противъ Турокъ, между прочимъ, завоеваніе Крыма. По нѣкоторымъ преданіямъ Сербскимъ, Московская царица „госпожа Елисавка“ послала вытребовать у султана свою *отчину*: „золотую корону царя Симеона (Немани, основателя Сербской державы), крещатое знамя царя Константина, золотой посохъ святато Саввы, острую саблю сильнаго Стефана (Душана) и икону отца Димитрія“. Султанъ Сулейманъ не хотѣлъ разстаться съ этою таинственною святынею, отдать которую,

по словамъ Сербской пѣсни, значило тоже, что отдать ключи отъ Стамбула, и началась война. „Госпожа Елисавка“ овладѣла Крымомъ, и таинственная святыня была отослана султаномъ въ Московскую землю.

А. Г.

Перепечатывается изъ книги: „Энциклопедическій Словарь, составленный Русскими учеными и литераторами. Отдѣленіе II. Томъ I. Е.—Елиз.“ С. П. б. 1863, стр. 459—475. Въ оглавленіи показано, что статью о Елисаветѣ Петровнѣ писали *И. Пек.* (П. П. Пекарскій), *И. И.* и *А. Г.* (лица намъ неизвѣстныя). Этотъ Словарь находился въ вѣдѣніи А. А. Краевскаго, остановился на первыхъ буквахъ и нынѣ принадлежитъ къ книжнымъ рѣдкостямъ. П. Б.

Приводимъ на образецъ изъ I-й Книги „Архива Князя Воронцова“ письмо Елисаветы Петровны къ отѣхавшему въ заграничное путешествіе графу М. Л. Воронцову, и при этомъ письмѣ сочиненный его акростихъ. П. Б.

Письмо императрицы Елисаветы Петровны къ графу М. Л. Воронцову.

Другъ мой Михайла Ларивоновичъ.

За писанія ваши благодарствую и безъ ласкательства, но изытинно съ радостію оныя, какъ отъ васъ, такъ и отъ дрожайшей моей Анны Карловны получа, оными радовалася и желаю всѣмъ сердцемъ, чтобъ какъ туда едучи, такъ и возвращающи во всякомъ благополучіи васъ видѣть, чего всѣмъ сердцемъ желаю.

Присемъ еще къ вамъ письмо посылаю, что Бога ради подождите оныхъ посланныхъ, которыхъ я къ вамъ завтра отправлю. Я бы и вмѣстѣ съ онымъ курьеромъ послала, только опасалася, что васъ не догонитъ ихъ дождавши. Я сей моментъ услышала отъ Принцессы Сербской объ ономъ случаѣ. Только что вышла въ машбарадъ, то она мнѣ письмо отъ мужа показала, что Башняки на границѣ стоятъ и какъ нерегулярное войско, то великую опасность надлежитъ имѣть. Впрочемъ вручаю васъ въ милость Божию и остаюся вѣрная, чѣмъ и пребуду

Елисаветъ.

А к р о с т и х ѣ *).

Сия удивленна нынѣ учинилась,
А что любовь сама во глупость вселила и себя уязвила
Мыслила тую боль въ умъ вселити,
А анъ, стала тая еще глупѣе быти.
Ревность пресильна въ ней пребываетъ и себя мертвитъ.
И сама не знае кто ея умерщвляетъ.
На то уповаеъ что сама не знаетъ, въ безумствѣ бываетъ.

*) На какую-то Самарину. П. Б.